ОИК

Иорданский.

Раскол в...

Пг. 1918.

OUK

17.

РОССІЙСКАЯ СОЦ.-ДЕМОКРАТ. РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Ник. Іорданскій.

РАСКОЛЪ ВЪ МЕЖДУНАРОДНОМЪ СОЦІАЛИЗМѢ.

Изд. Всероссійской С.-Д. организаціи «ЕДИНСТВО».
ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія
Книгоиздательства «БЛАГО»
Птгр., Глазовая ул., соб. домъ 18.
Тел. 626—49.

Расколъ въ международномъ соціализмѣ.

(циммервальдская и кинтальская конференціи).

I.

Циммервальдъ и Кинталь играютъ въ настоящее время для нѣкоторыхъ представителей россійскаго соціализма такую же роль, какъ Мекка и Медина для правовѣрныхъ служителей пророка.

Это, конечно, очень плохо. Отъ той интеллигенціи, которая пробыла тридцать лѣтъ въ школѣ научнаго соціализма, можно было бы ожидать большей зрѣлости и устойчивости. Но еще хуже то, что сторонники Циммервальда сплошь и рядомъ обнаруживаютъ полную неопредѣленность и неустойчивость въ пониманіи истиннаго смысла циммервальдскаго сектанства. Названія швейцарскихъ деревушекъ пріобрѣли мистическую прелесть и окутались красивыми легендами; между тѣмъ, дѣйствительность совсѣмъ не такъ заманчива, какъ она изображается присяжными поэтами Циммервальда.

II.

Циммервальдская конференція продолжалась отъ 5 до 8 сентября 1915 года. Офиціальный отчетъ подробно описываетъ, какія затрудненія пришлось преодолѣть инициаторамъ конференціи. Послѣ того, какъ война рѣзко оборвала международныя отношенія пролетаріата, соціалистическія партіи нейтральныхъ странъ неоднократно дѣлали попытки возстановить эти отношенія и снова объединить соціалистовъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ войны и за миръ, какъ того требовали резолюціи штутгартскаго, копенгагенскаго и базельскаго конгрессовъ.

Такою попыткою была итальянско-швейцарская конференція въ Лугано въ сентябрѣ 1915 г. Она дала порученіе правленію швейцарской партіи завязать сношенія съ партіями враждующихъ и нейтральныхъ странъ. Въ то же время голландецъ Трэльстра предпринялъ путешествіе, съ цѣлью повліять на партійныя правленія различныхъ странъ въ смыслѣ возстановленія сношеній. Ему удалось достигнуть того, что международное бюро было перенесено изъ Брюсселя въ Гаагу, но совмѣстная работа социалистическихъ партій не возобновилась. Американскіе соціалисты около того же времени предлагали созвать въ Вашингтонѣ международный конгрессъ, но этотъ планъ не осуществился. Далѣе, въ январѣ 1915 года въ Копенгагенѣ собралась конференція сѣверныхъ нейтральныхъ странъ, ограничившаяся формулировкою общихъ пожеланій въ пользу мира. Затѣмъ имѣли мѣсто частныя и полуофиціальныя обращенія къ

международному соціалистическому бюро съ цѣлью возстановить международныя сношенія. Но и конференція соціалистовъ тройственнаго согласія въ Лондонѣ, и конференція соціалистовъ двойственнаго союза въ Вѣнѣ показали, что подобныя попытки лишены почвы. Швейцарское партійное правленіе потребовало созыва международнаго бюро въ полномъ составѣ, но встрѣтило рѣшительный отказъ французской партіи. Тогда швейцарцы, вмѣстѣ съ итальянцами, пригласили соціалистовъ нейтральныхъ странъ на совѣщаніе въ Цюрихѣ на 30 мая. Большинство приглашенныхъ партій, однако, либо совсѣмъ не отвѣтило, либо дало отрицательный отвѣтъ. Послѣ этого центральный комитетъ итальянской партіи взялъ на себя самостоятельную инициативу созыва международной конференціи уже изъ болѣе однородныхъ элементовъ. На предварительномъ совѣщаніи, имѣвшемъ мѣсто въ Бернѣ 11 іюля 1915 года, были намѣчены, въ общихъ чертахъ, задачи будущей конференціи, и она была назначена на 5 сентября 1915 года.

Официальный отчетъ говоритъ по этому поводу: «Иниціатива увѣнчалась успѣхомъ». Однако, успѣхъ оказался очень слабымъ. Германія была представлена отдѣльными лицами изъ числа противниковъ господствующаго направленія; официальная партія не была приглашена въ виду позиціи, которую она занимаетъ въ настоящее время.

Отдѣльными лицами была представлена и швейцарская партія. Отъ французской партіи делегатовъ также не было прислано; представителями явились два анархо-синдикалиста. Изъ англійскихъ рабочихъ организацій предполагалась делегація независимой рабочей партіи, но не могла прибыть вслѣдствіе

отказа англійскаго правительства выдать заграничные паспорта. Отъ Швеціи, Норвегіи и Голландіи не было партійныхъ представителей. Явились только делегаты шведскихъ и норвежскихъ «союзовъ молодежи»,—организацій полуанархическаго состава, и голландской группы «Интернаціоналъ».

Офиціально были представлены также итальянская соціалистическая партія, соціалъ-демократическая партія Румыніи, одна изъ фракцій болгарской партіи («тѣсняки»), три польскихъ организаціи («лѣвица» польской соціалистической партіи, главное правленіе польской соціалъ-демократіи и «оппозиціонная» фракція той же польской соціалъ-демократіи), представители заграничнаго центральнаго комитета россійской соціалъ-демократической партіи (большевики) и представители организаціонной комиссіи той же партіи (меньшевики-ликвидаторы). Русскіе соціалисты-революціонеры не имѣли партійнаго представительства, но ихъ делегація являлась антиоборонческою частью заграничнаго органа этой партіи.

Такимъ образомъ, крупнѣйшія, опредѣляющія характеръ европейскаго рабочаго движенія, пролетарскія партіи не пошли въ циммервальдскую Мекку, за исключеніемъ итальянской, которая, разумѣется, не можетъ быть признана наиболѣе сильнымъ и вліятельнымъ членомъ въ семьѣ международнаго соціализма. Съ формальной стороны наиболѣе полно были представлены Россія, Польша, Болгарія и Румынія. Но, во-первыхъ, эта восточная группа соціалистовъ—говоря съ надлежащею прямотою и ясностью—до сихъ поръ занимаетъ въ европейскомъ соціализмѣ положеніе подростка, къ которому относятся

съ покровительственнымъ благожелательствомъ, но съ мнѣніями котораго считаются очень мало; во-вторыхъ, представительство россійскихъ группъ было немедленно опротестовано другими россійскими соціалистами, указавшими на тотъ безспорный фактъ, что россійскія соціалистическія организаціи, какъ марксистскія, такъ и народническія, въ данное время не имѣютъ правильно организованныхъ и законно избранныхъ соотвѣтствующими съѣздами центральныхъ учрежденій, и что, такимъ образомъ, циммервальдскіе делегаты съ грѣхомъ пополамъ могли еще представлять эмигрантскія группы, но уже ни въ какомъ случаѣ не имѣли права говорить отъ имени всѣхъ россійскихъ соціалистовъ.

Составъ циммервальдской конференціи ясно показывалъ, что массы организованныхъ соціалистическихъ рабочихъ Европы равнодушно встрѣтили призывъ новыхъ пророковъ и, вѣрные старымъ принципамъ второго Интернаціонала, мужественно пошли на защиту своихъ отечествъ, подвергшихся нападенію австро-турко-германскаго союза.

Количественная слабость циммервальдской конференціи, естественно, отразилась и на качественной сторонѣ ея работы и наложила на нее печать полной безпомощности.

Конференція не могла даже выработать резолюціи болѣе или менѣе конкретнаго политическаго содержанія.

По словамъ офиціальнаго отчета, представители польскаго краевого комитета, русскаго центральнаго комитета (большевики), латышей, шведовъ и норвежцевъ внесли проектъ резолюціи, которая должна была выразить принципіальную точку зрѣнія конференціи.

Восточные соціалисты, соединившись съ сѣверными анархистами, въ обоснованіе своего проекта утверждали, что «едва-ли возможно выпускать воззваніе въ пользу мира, не занявъ принципіальной позиціи въ вопросѣ о всемірной войнѣ и о развалѣ Интернаціонала. Необходимо выяснить себѣ предпосылки и цѣли выступленія въ пользу мира. Ясность эта необходима прежде всего для рабочаго класса. Борьба за миръ возможна лишь послѣ освобожденія отъ гипноза буржуазной политики войны до конца». Но самъ по себѣ лозунгъ мира не внушалъ этой части циммервальдцевъ никакихъ особыхъ симпатій. «Наша борьба должна быть революціонной и по содержанію, и по средствамъ. Выступленіе въ пользу мира не можетъ ограничиваться лозунгомъ мира. При остротѣ соціальныхъ противорѣчій выступленіе въ пользу мира превратится въ борьбу за соціализмъ. Внутри буржуазнаго общества невозможно уничтожить опасности имперіализма, поэтому борьба за миръ должна быть одновременно революціонной борьбой противъ капитализма».

Это максималистское и утопическое предложеніе имѣло за собою, по крайней мѣрѣ, извѣстную послѣдовательность, но именно послѣдовательности и боялась, больше всего, циммервальдская конференція. Предложеніе «лѣвыхъ» встрѣтило настойчивыя возраженія. «Принципіальные дебаты и установленіе общей программы выходятъ за предѣлы тѣхъ цѣлей, которыя были намѣчены для конференціи ея организаторами и на основѣ которыхъ делегаціи различныхъ странъ приняли участіе въ ней. Какъ ни важна новая оріентировка международной соціалистической политики, установленіе ея все же не можетъ быть задачею этой

конференціи. Ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ давать поводъ думать, что конференція желаетъ привести къ расколу и основать новый Интернаціоналъ. А между тѣмъ, это было бы сдѣлано, если бы была принята внесенная резолюція, предлагающая къ тому же такія средства борьбы, обсужденіе которыхъ невозможно на настоящемъ совѣщаніи. Конференція не должна стать орудіемъ въ рукахъ одного направленія, она должна постараться дать толчокъ международному выступленію пролетаріата въ пользу мира, въ которомъ могли бы принимать участіе всѣ элементы, стоящіе на почвѣ соціалистическаго міровоззрѣнія, борющіеся противъ «гражданскаго мира» и готовые выступить за скорое окончаніе войны, независимо отъ даннаго военнаго положенія въ отдѣльныхъ странахъ. Н е р а з д ѣ л я ю щ е е нужно поддерживать, а то, что объединяетъ на этой почвѣ. Для этого же пока не нужно никакой резолюціи. Необходимо выпустить воззваніе къ европейскому пролетаріату, боевой призывъ, разоблачающій факты, высказывающій то, что есть, и призывающій рабочій классъ къ рѣшительному дѣйствію, къ возобновленію классовой борьбы».

Послѣ этого конференція молчаливо высказалась за выпускъ м а н и ф е с т а.

III.

Среди политическихъ документовъ, даже выпущенныхъ соціалистами, далеко не всѣ являются образцомъ глубины мысли и широты кругозора. Но единственное дѣтище циммервальдской конференціи—пресловутый

циммервальдскій манифестъ—настолько скуденъ по содержанію и настолько изъѣденъ противорѣчіями лукавыхъ мудрствованій, что въ ряду неудачныхъ документовъ историческаго значенія его превосходитъ только одинъ, это—манифестъ кинтальской (такъ называемой второй циммервальдской) конференціи. Иначе, впрочемъ, и не могло быть при непремѣнномъ желаніи объединить непримиримые элементы. Съ одной стороны, инициаторы конференціи на вышеупомянутомъ предварительномъ совѣщаніи въ Бернѣ пришли къ заключенію, что «созываемая конференція никоимъ образомъ не должна служить цѣли созданія новаго Интернаціонала; задачей ея долженъ быть призывъ пролетаріата къ совмѣстному выступленію за миръ, созданіе активнаго центра для этой цѣли и попытка вернуть рабочій классъ къ его исторической миссіи», то есть, практически, инициаторы конференціи имѣли въ виду цѣли, не выходящія изъ рамокъ вульгарнаго пацифизма. Съ другой стороны, ихъ пацифистскія экскурсіи по соціалистическимъ партіямъ показали, что «совмѣстное выступленіе соціалистическихъ партій различныхъ странъ—болѣе того, простая попытка никого не связывающаго обмѣна мнѣній между ними—невозможны до тѣхъ поръ, пока отдѣльныя офиціальныя партіи стоятъ на почвѣ патріотизма и военной политики ихъ правительствъ». Пацифисты увидѣли, что «усилія свести представителей офиціальныхъ соціалистическихъ партій безполезны», пока въ качествѣ объединяющей почвы предлагается только голое и безплодное миролюбіе. Они рѣшили, что «практика, въ противоположность теоріи, доказала, что нельзя стоять одновременно на національной и интернаціональной точкѣ зрѣнія, что на дѣлѣ нужно

выбирать между одной и другой» и, такимъ образомъ, привлекли къ себѣ всѣ тѣ бродячіе элементы европейскаго соціализма, которые и до войны весьма отрицательно относились къ теоріи о національно-интернаціональномъ характерѣ современнаго рабочаго движенія, то есть къ теоріи второго Интернаціонала. Въ итогѣ на циммервальдскую конференцію собрались, съ одной стороны, пацифисты, для которыхъ въ интересахъ мирной пропаганды важно было сгладить всѣ острые углы конкретнаго политическаго положенія, съ другой—максималисты и утописты, которыхъ никакая конкретная обстановка не интересовала и которые стремились только къ провозглашенію своихъ анархическихъ лозунговъ. Пацифисты, какъ практики, одержали верхъ, но циммервальдскій манифестъ долженъ былъ сдѣлать уступки и максималистамъ и, такимъ образомъ, включить въ себя принципіально противоположныя заявленія.

Первый вопросъ, который, естественно, вставалъ передъ циммервальдскимъ собраніемъ, — это вопросъ о виновникахъ войны и объ ихъ отвѣтственности. Вопросъ этотъ вовсе не является задачей моральнаго порядка. Съ тѣмъ или другимъ отвѣтомъ на него логически связана опредѣленная система конкретнаго политическаго дѣйствія, обязательнаго для всякой политической партіи. Отвѣтить на вопросъ о виновникахъ нынѣшней войны вовсе не значитъ облегчить муки своей совѣсти, это значитъ указать объектъ очередной политической борьбы, предписанной пролетаріату его международной солидарностью. Но тогда циммервальдцамъ пришлось бы стать на точку зрѣнія Вандервельде, Геда, Плеханова, то есть признать именно ту «теорію» второго Интернаціонала,

которая давно уже стѣсняла людей, находящихъ, что жизнь движется слишкомъ медленнымъ темпомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о дѣйствительныхъ виновникахъ войны исключалъ возможность даже такого призрачнаго объединенія разнородныхъ группъ, какое было достигнуто въ Циммервальдѣ, такъ какъ, несмотря на то, что участники конференціи горделиво противопоставляли свой интернаціональный символъ вѣры націонализму «соціалъ патріотовъ», никто изъ нихъ не имѣлъ мужества признать виновность своего правительства; наоборотъ, всѣ они старались доказать, что истиннымъ виновникомъ является правительство враждующей державы. Поэтому, не имѣя возможности совершенно уклониться отъ вопроса о виновникахъ войны, циммервальдская конференція отвѣтила на него признаніемъ своей неспособности раскрыть дѣйствительныя причины изслѣдуемаго явленія и общимъ теоретическимъ разсужденіемъ, ни въ малѣйшей степени не разъясняющимъ конкретныя условія даннаго грандіознаго столкновенія народовъ.

«Какова бы ни была правда относительно непосредственной отвѣтственности за возникновеніе войны,—говоритъ циммервальдскій манифестъ,—одно несомнѣнно: война, породившая этотъ хаосъ, является плодомъ имперіализма, то есть стремленія капиталистическихъ классовъ каждой націи питать свою жажду прибыли эксплоатаціей человѣческаго труда и естественныхъ богатствъ всего міра.

Хозяйственно отсталыя или политически слабыя націи попадаютъ при этомъ въ кабалу къ великимъ державамъ, которыя стремятся въ этой войнѣ кровью и желѣзомъ, въ соотвѣтствіи съ своими интересами,

перекроить заново карту Европы. Цѣлымъ народамъ и странамъ, какъ Бельгія, Польша, балканскія государства, Арменія, грозитъ судьба стать предметомъ торговли въ игрѣ компенсацій и быть аннексированными цѣликомъ или кусками.

...Война раскрываетъ подлинную сущность новѣйшаго капитализма, который сталъ несовмѣстимымъ не только съ интересами рабочихъ массъ, не только съ потребностями историческаго развитія, но и съ элементарнѣйшими условіями человѣческаго общежитія.

Правящія силы капиталистическаго общества, въ рукахъ которыхъ покоились судьбы народовъ, — монархическія, какъ и республиканскія правительства, тайная дипломатія, могущественныя предпринимательскія организаціи, буржуазныя партіи, капиталистическая пресса, церковь, — всѣ онѣ несутъ на себѣ всю тяжесть отвѣтственности за эту войну, которая возникла изъ питающаго ихъ и ими охраняемаго общественнаго порядка и ведется во имя ихъ интересовъ».

Вотъ подлинный циммервальдскій отвѣтъ на вопросъ о причинахъ войны,—отвѣтъ, который нынѣ довѣрчиво и слѣпо провозглашается отечественными сторонниками Циммервальда образцомъ политической и соціологической мудрости! Болѣе близкое знакомство съ нимъ едва ли позволитъ согласиться съ такимъ лестнымъ мнѣніемъ. Этотъ отвѣтъ безпредметенъ, невѣренъ и противорѣчивъ.

Какая политическая цѣнность заключается въ утвержденіи, что вся тяжесть отвѣтственности за войну ложится на правящія силы капиталистическаго общества? Эта фраза означаетъ только то, что

современная война вытекаетъ изъ сущности современнаго общественнаго строя. Если бы циммервальдисты имѣли въ виду опровергнуть мистическія теоріи нѣмецкихъ или французскихъ теологовъ, по мнѣнію которыхъ міровая война ниспослана Высшею Силою для вразумленія народовъ, погрязшихъ въ грѣховной тинѣ, когда нѣкогда всемірный потопъ, то указаніе на общественное происхожденіе мірового конфликта было бы весьма умѣстно. Но для людей научнаго міровоззрѣнія говорить, что общественное явленіе является результатомъ общественнаго строя,—значитъ—если не давать этому максималистскаго толкованія—посылать жаждущихъ истины отъ Понтія къ Пилату.

Всѣ явленія человѣческой жизни являются закономѣрными плодами общественнаго строя, но не всѣ они безусловно необходимы и неизбѣжны. Сознаніе причинности вовсе не обязано превращаться въ фатализмъ. Политическая партія должна опираться на опредѣленную общеисторическую теорію: отъ этого зависятъ глубина, широта и систематичность политической дѣятельности. Но, при свѣтѣ теоріи, каждое общественное явленіе необходимо изслѣдовать въ его конкретности, въ его частныхъ особенностяхъ, которыя придаютъ явленію ту или другую форму и, слѣдовательно, опредѣляютъ тѣ или иныя задачи текущей борьбы. Вотъ почему вопросъ о «непосредственныхъ виновникахъ», второстепенный для теоретическаго изслѣдованія, для политической дѣятельности всегда имѣетъ первостепенное значеніе. Недаромъ ни циммервальдская, ни кинтальская конференціи, при всемъ желаніи, не могли умолчать о немъ.

«Какова бы ни была правда относительно непо-

средственной отвѣтственности за возникновеніе войны»,—говоритъ циммервальдскій манифестъ. Значитъ, есть какая-то «правда», до которой циммервальдисты не могли или не хотѣли добраться? Значитъ, есть «непосредственные виновники», о которыхъ циммервальдисты по тѣмъ или другимъ причинамъ предпочли хранить стыдливое молчаніе, сваливъ всю отвѣтственность на пресловутый «имперіализмъ», который дѣлаетъ одинаково виноватыми или одинаково правыми правительства и господствующіе классы всѣхъ враждующихъ странъ, какъ темнота дѣлаетъ одинаково сѣрыми всѣхъ кошекъ?

Но если существуютъ непосредственные виновники, то существуетъ и непосредственная политическая отвѣтственность различныхъ государствъ. Однако, для пацифистовъ Циммервальда установленіе различной отвѣтственности враждующихъ державъ было непріемлемо, такъ какъ оно порождало бы въ рабочихъ массахъ не пассивное миролюбіе, а дѣятельное негодованіе противъ нарушителей мира. Поэтому пацифистская часть циммервальдистовъ пошла на компромиссъ: она отдала идеологію манифеста въ руки своихъ соучастниковъ-максималистовъ, себѣ же оставила область политической практики. Вслѣдствіе этого, циммервальдскій манифестъ пріобрѣлъ видъ двуликаго Януса.

По максималистскому обоснованію, отвѣтственность за войну падаетъ на новѣйшую форму капиталистическаго развитія—имперіализмъ, на стремленія капиталистическихъ классовъ каждой націи питать свою жажду прибыли эксплоатаціей человѣческаго труда и естественныхъ богатствъ всего міра и, наконецъ, по комментаріямъ официіальнаго отчета, на про-

летаріатъ, такъ какъ «національные антагонизмы, опредѣлявшіе до войны политику буржуазныхъ правительствъ, но неизмѣнно вызывавшіе противоборство пролетаріата, съ началомъ войны перенеслись и на рабочій классъ».

Если, при этомъ, согласиться съ циммервальдскимъ манифестомъ, что имперіализмъ «несовмѣстимъ не только съ интересами рабочихъ массъ, не только съ потребностями историческаго развитія, но и съ элементарнѣйшими условіями человѣческаго общежитія», то приходится признать, что «новѣйшая стадія капитализма» является не одной изъ фазъ развитія капиталистическаго общества, а полнымъ крахомъ его. Тотъ строй, который противорѣчитъ «элементарнѣйшимъ условіямъ человѣческаго общежитія», несомнѣнно, изжилъ себя и обреченъ на самую скорую гибель.

Слѣдовательно, анализъ соціально-экономическаго происхожденія современной войны, какъ онъ данъ въ манифестѣ, долженъ привести къ практическимъ выводамъ максимальнаго размѣра. Непосредственной отвѣтственности за войну никто не несетъ; единственнымъ виновникомъ является общественный строй. Этотъ общественный строй, вмѣстѣ съ тѣмъ, на глазахъ разваливается. Задачи пролетаріата, при такихъ условіяхъ, очень ясны: онъ долженъ активно ускорить паденіе стараго общества и смѣло приступить къ постройкѣ новаго соціальнаго зданія. Максималисты и требовали отъ Циммервальда признанія, что «внутри буржуазнаго общества невозможно уничтожить опасности имперіализма» и что «борьба за миръ должна быть одновременно революціонной борьбой противъ капитализма».

Это было бы вполнѣ послѣдовательнымъ выводомъ изъ общихъ положеній циммервальдскаго манифеста, но это было совершенно непріемлемо для тѣхъ оппортунистовъ, которые собрались въ Циммервальдѣ съ цѣлью увлечь пролетаріатъ на торную дорожку пацифизма.

Въ результатѣ, циммервальдскій манифестъ, сдѣлавъ оговорку, что въ борьбѣ за миръ онъ видитъ борьбу за свободу, за братство народовъ, за соціализмъ, заканчивается слѣдующей практической программой:

«Необходимо начать борьбу за миръ безъ аннексій и контрибуцій. Такой миръ возможенъ только при осужденіи всякихъ помысловъ о насиліи надъ правами и свободами народовъ. Занятіе цѣлыхъ странъ или ихъ отдѣльныхъ частей не должно вести къ насильственному присоединенію. Никакихъ аннексій, ни открытыхъ, ни скрытыхъ, никакихъ насильственныхъ экономическихъ присоединеній, которыя, вслѣдствіе неизбѣжно связаннаго съ ними политическаго безправія, носятъ еще болѣе невыносимый характеръ. Самоопредѣленіе націй должно быть непоколебимой основой національныхъ отношеній».

Гора родила мышь. Въ хаосѣ распадающагося стараго міра, въ грозѣ и бурѣ, представители наиболѣе революціонной партіи—да еще какіе представители! объявившіе себя единственными праведниками на этой грѣшной землѣ!—не нашли для себя другого лозунга, кромѣ возстановленія прежняго положенія, т.-е. все той же жалкой системы «европейскаго равновѣсія», основы которой были заложены полуфеодальной дипломатіей 1815 года. Смѣлая мысль, не остановившаяся на отрицаніи отечества, робко свернулась въ

комочекъ предъ старыми государственными границами, отвергая всякія аннексіи, какъ будто бы существовавшія до войны границы государствъ дѣйствительно были установлены свободною волею народовъ и дѣйствительно отвѣчали интересамъ народныхъ массъ. Начавъ съ разрушенія всего буржуазнаго строя, циммервальдисты перешли къ признанію неприкосновенности даже такихъ условныхъ линій, какъ государственныя границы. А затѣмъ, уже въ полномъ противорѣчіи со всѣмъ предыдущимъ, закончили провозглашеніемъ того же принципа, который выставленъ англо-французскимъ соглашеніемъ: «самоопредѣленіе націй должно быть непоколебимою основою національныхъ отношеній». Какимъ образомъ угнетенныя націи могутъ бороться за національное самоопредѣленіе, если имперіализмъ обрекъ ихъ въ кабалу великимъ державамъ, если имъ, по волѣ исторической необходимости, выпала судьба «стать предметомъ торговли въ игрѣ компенсацій»? Какимъ образомъ, наконецъ, Бельгія, Польша, Арменія, балканскія государства, сражаясь сейчасъ за національное освобожденіе, должны, въ интересахъ истиннаго демократизма и соціализма, стремиться къ возстановленію довоеннаго положенія (status quo ante), это—тайна циммервальдской конференціи, которая, послѣ громкихъ фразъ о высокихъ принципахъ, потребовала, чтобы пробудившіеся народы снова уложили себя въ колодки отжившихъ государственныхъ границъ.

Во всякомъ случаѣ, если въ краснорѣчивыхъ описаніяхъ бѣдствій войны и благъ мира циммервальдисты проявили благодушную впечатлительность и добродѣтельное миролюбіе, то въ приглашеніи бороться за возстановленіе старой государственной

карты Европы они оказались большими консерваторами, чѣмъ самые ветхозавѣтные офиціальные дипломаты.

IV.

Вполнѣ понятно, поэтому, что циммервальдскій манифестъ подвергся самой жестокой критикѣ со стороны «лѣвыхъ» участниковъ циммервальдской конференціи. Уже на самой конференціи представители польскаго краевого комитета, русскаго с.-д. центральнаго комитета (большевики), латышей, шведовъ и норвежцевъ внесли проектъ резолюціи, которая должна была выразить принципіальную точку зрѣнія конференціи. Эта резолюція гласила, что борьба должна быть революціонной и по содержанію, и по средствамъ. Выступленіе въ пользу мира не можетъ ограничиваться лозунгомъ мира. При остротѣ соціальныхъ противорѣчій выступленіе въ пользу мира превратится въ борьбу за соціализмъ. Придать путемъ соотвѣтствующей агитаціи такое содержаніе борьбѣ за миръ является второй задачей соціалъ-демократіи. Внутри буржуазнаго общества невозможно уничтожить опасности имперіализма, поэтому борьба за миръ должна быть непосредственной революціонной борьбой противъ капиталистическаго строя.

Этотъ проектъ былъ отвергнутъ большинствомъ конференціи по мотивамъ и принципіальнаго, и формальнаго характера. Но это не остановило максималистовъ. Польская делегація (отъ «лѣвицы» п. п. с., главнаго правленія п. с.-д. и «оппозиціи» п. с.-д.) внесла особую «декларацію», а представители «орга-

низаціоннаго комитета» (меньшевики-ликвидаторы) и главныхъ правленій с.-д. Польши и Литвы и польской соціалистической партіи внесли «поправку къ манифесту». Оба документа чрезвычайно характерны.

Польская декларація составлена довольно туманно и замысловато. Она, съ одной стороны, высказываетъ пожеланіе «всесторонняго свободнаго развитія польскаго народа въ качествѣ равноправнаго члена въ союзѣ народовъ», протестуетъ противъ перекраиванія и разбиранія на части цѣлой страны, а съ другой—«выступаетъ какъ противъ демагогическихъ освободительныхъ легендъ, при помощи которыхъ правительства обѣихъ коалицій пытались прикрыть свои имперіалистическія цѣли, такъ и противъ такъ называемыхъ «оріентацій» польскихъ буржуазныхъ партій, поддерживавшихъ и распространявшихъ эти легенды въ формѣ польскихъ программъ войны («объединеніе», «государство-бufferъ» и т. д.)». Такимъ образомъ, совершенно безспорно, что польская делегація не обнаружила готовности даже къ поддержкѣ популярнаго лозунга «независимой Польши» или, по крайней мѣрѣ, скрыла свои «націоналистическія» стремленія въ туманностяхъ общихъ мѣстъ. Но одна особенность деклараціи вырисовывается совершенно отчетливо—максимализмъ. «Современная война,—пишутъ поляки,—обнаружившая неспособность капитализма приспособить междугосударственныя отношенія къ требованіямъ міроваго хозяйства, открываетъ собою эру военныхъ конфликтовъ и соціальныхъ потрясеній. Революціонная борьба пролетаріата, которая въ этихъ условіяхъ со стихійной силой должна разгорѣться въ международномъ масштабѣ, будетъ направлена

противъ самыхъ основъ капиталистическаго строя и развернется въ борьбу за соціализмъ». Далѣе высказывается мысль, что освобожденіе Польши можетъ быть достигнуто только въ борьбѣ за соціализмъ. Столь же опредѣленно-максималистскій характеръ носитъ и «поправка къ манифесту», несмотря на то, что она внесена при участіи обычно весьма умѣренныхъ дѣятелей россійской соціалъ-демократіи—меньшевиковъ-ликвидаторовъ. Нарисовавъ мрачную картину разгула «могущественныхъ силъ имперіализма, влекущихъ человѣчество на путь варварства», поправка заключаетъ: «въ этомъ положеніи рабочимъ будетъ становиться все яснѣе, что для того, чтобы положить конецъ невыносимымъ условіямъ, необходимо посягнуть на самыя основы общественнаго строя, порождающаго столь безконечныя бѣдствія и опасности. Такъ рабочія массы будутъ поставлены передъ альтернативой: имперіализмъ или соціализмъ. Пролетаріатъ не можетъ дожидаться въ роли пассивнаго зрителя, пока всѣ результаты имперіалистской эпохи проявятся въ полномъ объемѣ. Уже теперь долженъ онъ выступить въ роли самостоятельнаго политическаго фактора»...

Большинство циммервальдской конференціи и къ «деклараціи» и къ «поправкѣ» отнеслось безъ всякаго уваженія. Оно просто передало оба документа въ архивъ, какъ матеріалъ для будущихъ дискуссій.

Но максималисты не могли, разумѣется, удовлетвориться этими результатами. Въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, прошедшихъ отъ циммервальдской до кинтальской конференцій, они не переставали подвергать жестокимъ нападкамъ свое собственное дѣтище. Особенною непримиримостью отличалась группа во-

сточныхъ соціалистовъ, наиболѣе яркимъ и послѣдовательнымъ представителемъ которыхъ является извѣстный вождь русскаго «большевизма» Ленинъ. Онъ обвинялъ большинство циммервальдской конференціи въ томъ, что оно «желаетъ примириться съ Вандервельде, Гюисмансомъ и Ренߋделемъ» и, не безъ остроумія, называлъ циммервальдское требованіе мира во что бы то ни стало «поповскимъ лозунгомъ». Большинство конференціи, по его мнѣнію, «недостаточно революціонно, какъ по отношенію къ тактикѣ вообще, такъ и по отношенію къ оппортунистамъ».

Агитація «лѣвыхъ» циммервальдистовъ въ промежуткѣ между двумя конференціями была достаточно шумной и, несомнѣнно, способствовала самоопредѣленію максималистскаго крыла циммервальдскаго блока. Ко времени кинтальскаго съѣзда, 1 мая 1916 года, казалось, что лѣвые элементы блока одержали верхъ надъ своими болѣе умѣренными товарищами. Можно было думать, что новая конференція провозгласитъ, согласно программѣ лѣвыхъ, государства—отжившей формой общежитія, защиту отечества—буржуазнымъ предразсудкомъ, программу-минимумъ—ненужной задержкой на пути пролетаріата, и призоветъ рабочій классъ сдѣлать скачокъ изъ царства необходимости въ царство свободы. Вѣдь, Ленинъ и его единомышленники выбивались изъ силъ, чтобы доказать, что въ настоящій моментъ «обязанностью соціалистовъ является, по мѣрѣ силъ, способствовать росту міровой революціи, превращенію всей Европы и Азіи въ революціонный лагерь».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, можно было ожидать, что новая конференція объявитъ старый Интернаціоналъ уничтоженнымъ его грѣхопаденіемъ, а свою организацію—

единственной наслѣдницей и носительницей социалистической благодати. Наконецъ, представлялось совершенно невозможнымъ, чтобы лѣвые, выяснившіе свою линію и питавшіе такія радикальныя намѣренія не только по отношенію къ Европѣ, но и къ Азіи, остались въ мирномъ сожительствѣ съ оппортунистической частью циммервальдскаго блока и снова послушно пошли за пацифистами.

Однако, все осталось по-старому. Въ Кинталѣ собрались почти цѣликомъ тѣ же лица, что и въ Циммервальдѣ. Борьба анархическаго утопизма съ вульгарнымъ пацифизмомъ приняла нѣсколько болѣе острыя формы, но максималисты, какъ и раньше, склонились предъ пацифистами. Кинтальскій манифестъ является еще болѣе умѣреннымъ политическимъ символомъ вѣры, чѣмъ циммервальдскій.

На этотъ разъ конференція и сама, повидимому, почувствовала, какое глубокое несоотвѣтствіе получается между ея наирадикальными намѣреніями и умѣреннѣйшими декларація ми. Она сдѣлала попытку ослабить духъ оппортунистическаго пацифизма, проникающій манифестъ, различными оговорками и разъясненіями, опубликованными въ особой резолюціи. Но манифестъ, наиболѣе торжественный и важный актъ конференціи, ея офиціальное знамя, не измѣняетъ своего характера отъ дополнительныхъ особыхъ резолюцій. Наоборотъ, необходимость вынести наиболѣе радикальныя мысли и настроенія за рамки общепризнаннаго акта показываетъ, насколько сильно были представлены на кинтальской конференціи пацифистскіе элементы. Лѣвые утописты опять сыграли роль рабочей силы для реальныхъ политиковъ искренняго и вынужденнаго миролюбія. Кин-

тальскій манифестъ въ теоретической части повторяетъ циммервальдскій, придавая положеніямъ послѣдняго еще болѣе отвлеченный видъ; въ практической же части онъ пытается подвести стратегическіе итоги двухлѣтней борьбы народовъ и начертить программу очередныхъ политическихъ задачъ рабочей демократіи, не переходя границъ самыхъ оппортунистическихъ воззрѣній.

Начинается кинтальскій манифестъ тѣмъ же роковымъ вопросомъ о виновникахъ войны, отъ котораго циммервальдскіе интернаціоналисты, при всемъ желаніи, не могутъ отмахнуться.

«Два года европейской войны! Два года разрушеній! Два года жертвъ! Два года реакціи! На кого падаетъ отвѣтственность? Гдѣ тѣ, которые въ теченіе четверти вѣка стремились и готовились къ войнѣ, укрываясь за тѣми, которые зажгли пожаръ въ послѣднюю минуту? Они—среди привилегированныхъ!» Дальше слѣдуетъ уже приведенныя нами цитаты изъ циммервальдскаго манифеста о томъ, что истиннымъ виновникомъ войны является капиталистическій общественный строй и всѣ его учрежденія, но уже безъ упоминанія объ имперіализмѣ, какъ ближайшей основѣ міровового конфликта. Повидимому, даже эта теорія войны оказалась слишкомъ конкретной для участниковъ кинтальскаго собранія, и они могли объединиться только на общемъ мѣстѣ, одинаково значительномъ для всѣхъ временъ и всѣхъ войнъ послѣдняго столѣтія. Въ такой отвлеченной формѣ вопросъ о виновникахъ войны и о необходимости борьбы съ ними, естественно, теряетъ всякое содержаніе, и тѣ, которые «въ послѣднюю минуту зажгли пожаръ», являются слѣпыми жертвами рока.

Это стремленіе уклониться отъ обязывающаго къ дѣйствію изслѣдованія конкретныхъ условій возникновенія войны приводитъ кинтальскую конференцію и къ своеобразнымъ стратегическимъ мудрствованіямъ, отъ которыхъ благоразумно воздержался циммервальдскій манифестъ. Сторонники мира во что бы то ни стало рѣшили использовать впечатлѣніе отъ затяжной позиціонной борьбы для того, чтобы провозгласить идею стратегической безплодности борьбы народовъ.

«Послѣ того, какъ война уложила въ могилы милліоны людей, ввергла въ отчаяніе милліоны семей, создала милліоны вдовъ и сиротъ, послѣ того, какъ она нагромоздила развалины на развалины и безвозвратно разрушила часть цивилизаціи,—послѣ всего этого преступная война замерла въ неподвижности. Несмотря на гекатомбы на всѣхъ фронтахъ, нѣтъ рѣшительныхъ результатовъ.

Для того, чтобы только поколебать линію фронтовъ, необходимо, чтобы правительства снова принесли въ жертву милліоны жизней. Нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, или, скорѣе, всѣ побѣждены, то есть, всѣ окровавлены, всѣ разорены, всѣ истощены: таковъ итогъ военнаго безумія.

Правящіе классы могутъ, такимъ образомъ, констатировать тщету ихъ мечты объ имперіалистическомъ господствѣ».

Изъ-за чего воевать, когда война все равно обречена окончиться въ ничью? Таковъ смыслъ новѣйшаго открытія кинтальскихъ стратеговъ.

Надо сознаться, что ихъ «передовые» умы, въ данномъ случаѣ, отразили весьма косную обывательскую психологію, встрѣчающуюся во всѣхъ странахъ, но

особенно распространенную среди народовъ, освѣдомленность которыхъ въ государственныхъ дѣлахъ прямо пропорціональна ихъ малой политической самодѣятельности. Недостаточное выясненіе причинъ первоначальныхъ успѣховъ Германіи и длительный характеръ позиціонной борьбы довольно часто создаютъ мнѣніе, что война окончится въ ничью, что оборонительныя линіи враждующихъ армій неприступны для противниковъ.

Это мнѣніе, часто повторявшееся до наступленія союзниковъ и, въ частности, до извѣстныхъ наступленій русской арміи, въ настоящее время кажется и легкомысленнымъ, и скороспѣлымъ. Современная война, какъ прежнія войны, должна закончиться или побѣдой, или пораженіемъ. Если въ первый періодъ войны Германія превосходила союзниковъ и силою нападенія, и силою сопротивленія, то изъ этого не слѣдуетъ, что не наступитъ періодъ обратнаго соотношенія враждующихъ армій. До сихъ поръ Германія обладала превосходящими средствами и силами; теперь она борется почти при равныхъ условіяхъ; завтра она будетъ бороться съ превосходящимъ противникомъ. Ея военно-техническое превосходство близко къ концу; ея идейное воодушевленіе изсякло подъ несомнѣннымъ впечатлѣніемъ единодушнаго отпора всѣхъ европейскихъ народовъ германскимъ притязаніямъ. И европейская демократія имѣетъ полное право надѣяться и требовать, чтобы война окончилась не въ ничью, а торжествомъ мира и свободы.

Кинтальскіе мудрецы подтверждаютъ эти надежды фразою, которою они проговорились, очевидно, не понимая ея значенія:

«Правящіе классы могутъ теперь констатировать тщету ихъ мечты объ имперіалистическомъ господствѣ»,—говоритъ кинтальскій манифестъ, предлагая кричать: долой войну. Но что же это значитъ? Вспомнимъ ходъ «интернаціоналистскихъ» разсужденій. Капитализмъ вступилъ въ фазу имперіализма, то есть стремленія капиталистическихъ классовъ каждой націи питать свою жажду прибыли эксплоатаціей человѣческаго труда и естественныхъ богатствъ всего міра. Это стремленіе породило міровую войну, въ результатѣ которой должно было послѣдовать угнетеніе демократіи и закабаленіе малыхъ и отсталыхъ народовъ великими державами. Такъ утверждалъ циммервальдскій манифестъ, весьма основательно указывая на то, что съ такими опасными послѣдствіями необходимо бороться. Но черезъ два года войны кинтальскій манифестъ заявляетъ, что капиталистическіе классы должны констатировать крушеніе своихъ имперіалистическихъ мечтаній. Слѣдовательно, міръ можетъ успокоиться. Ему уже не грозятъ бѣдствія гнета и кабалы. Какимъ же путемъ совершилось это освобожденіе отъ роковой опасности? Если оно явилось результатомъ войны, то единственно правильнымъ заключеніемъ будетъ то, что атака имперіализма отбита вооруженной рукой европейской демократіи. Но тогда, конечно, нѣтъ никакихъ основаній приглашать къ возгласамъ: долой войну. Наоборотъ, если война вызвала крахъ имперіалистическаго плана порабощенія народовъ, то—да здравствуетъ такая война! Мы должны думать не о преждевременномъ мирѣ, но о достиженіи вооруженной рукой народной арміи всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя можетъ поставить себѣ въ этой войнѣ революціонная демократія. Конкрет-

ное выясненіе этихъ цѣлей и путей къ ихъ осуществленію, точное опредѣленіе настоящей и приближающейся роли соціалистическаго пролетаріата въ хаосѣ мірового конфликта,—вотъ та плодотворная работа, которая предстояла бы кинтальской конференціи, если бы она сумѣла сдѣлать послѣдовательные выводы изъ признанной ею же (на нашъ взглядъ— опять слишкомъ преждевременно) побѣды народовъ надъ алчными стремленіями имперіализма. Но тогда пришлось бы признать, что послѣдовательный и активный соціализмъ несетъ не миръ, но мечъ, что для разрѣшенія великихъ задачъ необходимо не слащавое миротворчество, а непримиримая борьба.

Такая послѣдовательность вовсе не входила въ планы кинтальскихъ пацифистовъ, на поводу у которыхъ шли и максималисты-космополиты. Охваченные и поглощенные желаніемъ мира, они втискиваютъ очередную демократическую политику въ такія тѣсныя рамки, которыя обрекаютъ на безплодное топтаніе на мѣстѣ живыя силы соціалистическаго пролетаріата.

V.

Практическая часть кинтальскаго манифеста не отличается ни глубиною, ни широтою требованій.

«Боритесь,—говоритъ манифестъ,—за немедленное заключеніе мира безъ аннексій. Пусть во всѣхъ воюющихъ странахъ мужчины и женщины, на заводахъ и въ поляхъ, встанутъ противъ войны и ея послѣдствій, противъ нищеты и лишеній, противъ безработицы и дороговизны жизни. Пусть они поднимутъ

голосъ за возстановленіе отнятыхъ свободъ, за рабочее законодательство, за удовлетвореніе земельныхъ требованій сельскихъ тружениковъ. Пусть пролетаріи нейтральныхъ странъ придутъ на помощь соціалистамъ враждующихъ странъ въ ихъ трудной борьбѣ противъ войны, пусть они всѣми силами воспротивятся затягиванію войны. Пусть соціалисты всѣхъ странъ твердо послѣдуютъ рѣшеніямъ интернаціональныхъ конгрессовъ, согласно которымъ обязанностью рабочаго класса является вмѣшательство съ цѣлью скорѣйшаго прекращенія войны.

Затѣмъ, употребите, противъ войны, возможно большее давленіе на вашихъ избранниковъ, на ваши парламенты, на ваши правительства. Требуйте немедленнаго прекращенія сотрудничества соціалистовъ съ капиталистическими правительствами войны.

Требуйте, чтобы соціалистическіе депутаты впредь вотировали противъ кредитовъ, требуемыхъ для продолженія войны.

Всѣми средствами, которыя въ вашей власти, добивайтесь конца міровой бойни.

Требуйте немедленнаго перемирія!

Какъ только правительства всѣхъ странъ почувствуютъ въ васъ ростъ ненависти къ войнѣ и готовность соціальнаго возмездія, часъ мира станетъ близокъ».

Вотъ та, съ позволенія сказать, программа, къ которой «присоединяются» многіе россійскіе соціалисты. Перемиріе и миръ во что бы то ни стало! Миръ, заключенный не свободными народами, а потерпѣвшей крахъ буржуазіей и напуганными правительствами, миръ, при которомъ угнетенные народы снова будутъ влачить свои цѣпи, но только миръ!

Это—единственная и главная цѣль. Пацифизмъ—основная ткань кинтальскаго манифеста, на которой жалкими заплатами выглядятъ расплывчатыя требованія возстановленія «свободъ», рабочаго законодательства, земельныхъ нуждъ сельскихъ тружениковъ, требованія, которыми можетъ блеснуть любая программа современнаго либерализма. Ничего другого, кромѣ этихъ неопредѣленныхъ формулъ, не могла сказать, въ моментъ небывалой борьбы народовъ, въ періодъ перестройки всего міра, конференція соціалистовъ, объявившихъ себя единственными весталками великой идеи. Даже провозглашенное въ Циммервальдѣ традиціонное положеніе: самоопредѣленіе націй должно быть непоколебимой основой національныхъ отношеній—исчезло изъ кинтальскаго манифеста. Національному вопросу, такъ остро выдвинутому войной и поставленному на очередь даже правительствами, не нашлось мѣста на соціалистической конференціи, какъ не нашлось мѣста и первостепеннымъ экономическимъ и политическимъ вопросамъ, вызваннымъ міровой борьбою народовъ. Роковая безплодность всякой утопіи положила неизгладимую печать на исповѣданіе новыхъ пророковъ, которые мнятъ себя призванными обновить ветхій соціализмъ второго Интернаціонала прививками космополитизма.

Въ непрерывныхъ колебаніяхъ между анархическимъ утопизмомъ и вульгарнымъ пацифизмомъ новые космополиты обречены на полную оторванность отъ дѣйствительнаго революціоннаго движенія народныхъ массъ и безнадежное плаваніе въ мутныхъ волнахъ лже-революціонной словесности.

Цѣна 25 коп.

